
ПОЭТИКА И СТИЛИСТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 821.133.1+7.034.8

ПАХСАРЬЯН Н.Т.¹ ФРАГМЕНТ В ЛИТЕРАТУРЕ РОКОКО.
DOI: 10.31249/lit/2022.03.04

Аннотация. Хотя слово «фрагмент» появляется во французском языке еще в начале XVI в., и уже в текстах Монтеня очевидно широкое использование фрагментарного письма, историки и теоретики литературы изучают фрагмент на материале произведений романтизма и постмодернизма. Между тем уже в XVIII в., прежде всего – в литературе рококо, можно обнаружить примеры становления жанра фрагмента и различные формы фрагментарности в романной прозе. Анализ подобных текстов позволяет глубже и точнее понять генезис и эволюцию феномена фрагментарного письма.

Ключевые слова: фрагмент; письмо; рококо; роман; жанр; эволюция.

Для цитирования: Пахсарьян Н.Т. Фрагмент в литературе рококо // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2022. – № 3. – С. 66–77.
DOI: 10.31249/lit/2022.03.04

¹ **Пахсарьян Наталья Тиграновна** – ведущий научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

PAKHSARIAN N.T. Fragment in rococo literature.

Abstract. Although the word “fragment” already appears in French literature in the early sixteenth century, and wide use of fragmentary writing in Montaigne’s texts is obvious, literary historians and theorists study the fragment mostly basing on the works of Romanticism and postmodernism. Meanwhile, already in the eighteenth century, first of all in Rococo literature, we can find examples of the formation of the fragment genre and various forms of fragmentation in novelistic prose. The analysis of such texts allows deeper and more accurate understanding of the genesis and evolution and evolution of fragmentary writing.

Keywords: fragment; writing; Rococo; novel; genre; evolution.

To cite this article: Pakhsarian, Natalia T. “Fragment in rococo literature”, Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 3, 2022, pp. 66–77. DOI: 10.31249/lit/2022.03.04

В теории и истории литературы выделяют две основные формы фрагментов в произведениях – фрагмент как следствие случайного воздействия внешних факторов и фрагмент как форму художественной мысли [17, р. 2; 31, р. 9; 39, р. 15; 41, р. 18]. Оставляя в стороне те периоды, когда фрагменты являлись результатом неполной сохранности текстов, сосредоточимся на тех эпохах и произведениях, когда происходит формирование фрагментарности как осознанного приема и постепенно складывается жанр фрагмента. Исследователи достаточно много изучали и изучают, с одной стороны, романтический период литературы¹, когда этот жанр приобрел зрелость, а фрагментарное письмо стало важной приметой романтического стиля, с другой – современную, особенно постмодернистскую литературу², в которой фрагмент и фрагментарность актуализировались и получили широкое распростра-

¹ Особенно это касается немецкой литературы романтизма, см.: [20].

² Приведу лишь несколько работ последних десятилетий на обозначенную тему (их гораздо больше): [3; 8; 15; 22; 28; 30; 31; 43]. Ср. также: «В то время как модернизм утверждает универсальное (оно же, по определению, уникальное), постмодернизм основывается на реальности прерывистой, **фрагментарной** [выделено мною. – Н. П.], архипелажной, модулированной, где единственным временем является настоящий момент» [13, р. 286].

нение. Между тем большой интерес с точки зрения генезиса этих явлений представляет начало Нового времени – XVII–XVIII столетия.

Если обратиться к этимологии, то можно констатировать, что во французском языке слово «фрагмент» появилось в начале XVI в. и означало «отрывок». По мнению специалистов, наиболее показательны «умел изъясняться фрагментами» Монтень¹, чему немало способствовала его установка на свободное размышление, позволившее создать жанр «эссе». Начиная с монтеневских «Опытов» возникает тот феномен, который позволяет говорить о поэтологических аспектах сознательно избранной манеры фрагментарного письма.

XVII в. с его антиномичными тенденциями к упорядочиванию – и к беспорядочности, с одной стороны, породил жанр максимы – краткого, афористичного, завершенного высказывания (Ларошфуко), с другой – оставил пример также краткого, но при этом свободного и незавершенного размышления в «Мыслях» Паскаля. Специалисты верно отмечают, что максима и афоризм могут быть, по существу, далеки от сути фрагментарности, предполагающей не только краткость (тем более что существуют и более пространные фрагменты), но своего рода обрыв наррации, незавершенность рефлексии [14, р. 11]. В подобном антиномичном развитии кратких форм проявилась парадоксальная природа фрагментарности: линия различения разных типов фрагментов проходит не только между его «невольной» и «вольной» формами, т.е. между фрагментом как частью утраченного или недописанного по внешним причинам (напр., из-за смерти автора) текста и фрагментом как специально выделенной частью целого (например, цитаты из одного текста в другом), но и по степени открытости-закрытости, завершенности-незавершенности. Кроме того, подчеркивает К. Лавуа, согласно Ж. Делёзу, фрагмент как явление исходит из спонтанности языка и письма [21, р. 46]. Такую спонтанность Р. Барт обнаруживал в «Характерах» Лабрюйера, называя их автором «первым современным (moderne) писателем» [2, р. 221].

Очевидно, что фрагментарность как особое свойство письма и мышления в классическую эпоху рационализма нагляднее пред-

¹ См. подробно: [42].

ставлено не у Ларошфуко, а в «Мыслях» Паскаля, который противопоставлял «духу геометрии» «*esprit de finesse*» (утонченность ума) [32, р. 403]. В то же время для рационалистического XVII столетия фрагментарность паскалевского типа (где нет строго установленного порядка отдельных мыслей) оказывается менее приемлемой эстетически, нежели закрытый и завершенный тип фрагмента-афоризма или максимы¹. Текст Б. Паскаля современники воспринимают как собрание фрагментов, «рапсодию», что означало в ту пору беспорядочные, бесформенные писания [29, р. 154; 44, р. 12]. Не случайно и манера Монтеня, и открытый им жанр эссе² не сразу порождают подражателей и продолжателей. «От Бальзака³ до Буало Монтень воспринимается как большой оригинал, играющий в свою стороннюю игру, как существо исключительное...» [6, р. 17]. С этой точки зрения от «Опытов» Монтеня протягивается линия не столько к литературе XVII в., сколько к произведениям эпохи Просвещения⁴. Пожалуй, исключение составляют только «Характеры, или нравы нашего времени» (1688) Лабрюйера – книга, в которой, по словам П. Киньяра, появилась «некая свободная система вольной фрагментации французской прозы» [17, р. 42]. Рассуждения П. Киньяра о поэтике фрагмента с опорой на прозу Лабрюйера позволяют прояснить не только особенности современной трактовки фрагментарности, но и поэтологическое своеобразие «Характеров», которые предстают «не книгой максим, не последовательностью аргументов, не галереей портретов... а беспорядочной последовательностью текстовых обрывков» [17, р. 18].

¹ Более открытая фрагментарность проявляет себя в афоризмах и максимах тогда, когда они введены в ткань романного повествования, прерывая последовательность наррации – см. об этом: [5, р. 43].

² «В предклассическом литературном пространстве, не столько подходящем на систему модусов или на картину взаимоисключающих форм, сколько на расширяющийся каталог, рождение эссе основано на дисфорическом видении жанров: состоя из обрывков, обломков, эссе побуждает видеть в жанровом пейзаже панораму руин» [26, р. 13]. Вероятно, поэтому «эссе остается вне (литературного. – Н. П.) поля XVII в.» [26, р. 20].

³ Имеется в виду писатель XVII в. Ге де Бальзак.

⁴ А. Стедман даже называет Монтеня «проторокайльным писателем», впрочем, относя рождение рококо к XVII в. [40, р. 57].

Можно отметить также расцвет мемуарного жанра в середине и последней трети XVII в., органической чертой которого специалисты считают фрагментарность [4, р. 176]. Этот расцвет был еще одним фактором, способствовавшим развитию поэтики фрагмента в рококо. Частные свидетельства авторов мемуаров – рядовых участников большой Истории, – сотканые зачастую из анекдотов, забавных историй, романических приключений¹, обычно представляют собой фрагментарное «собрание разрозненных мыслей» [41, р. 119], а появившиеся вслед за ними псевдомемуары и «секретные хроники» прямо участвуют в генезисе рокайльной литературы и являют собой образцы прозы раннего рококо [33, с. 45–48].

Эссеистичность (свободное повествование, включающее отступления, размышления, отдельные эскизные зарисовки) в век Просвещения становится приметой любого, в том числе – романного, письма. Ж. Вайсгербер полагает, что именно в эту эпоху «рождается вкус к фрагменту, почти не поддающемуся классификации и предвосхищающему романтизм» [9, р. 115]. В самом деле, если учесть, что «текстовый фрагмент противостоит одновременно системе как составное целое и систематизации как стиль и этос мысли» [41, р. 132], а также то, что XVIII столетие отмечено не любовью к системам и системности, можно согласиться с тем, что романтическому интересу и практике фрагмента предшествует литература рококо и сентиментализма. Даже примеры использования слова «фрагмент» как жанрового обозначения можно обнаружить задолго до романтических «Критических фрагментов» Ф. Шлегеля – в частности, в анонимном сборнике «Пестрота» (или «Мешанина»), где помещены небольшие прозаические и стихотворные тексты, озаглавленные *Fragment* [35].

Отказываясь от монументальности, рококо избирает миниатюрность и эскизность². Кроме того, беспорядочность, незавершенность, свободная хаотичность важны в рококо как признаки «естественного стиля», о котором пекутся писатели этого направ-

¹ См. подробно: [12].

² Излишне было бы приводить список работ, которые говорят о процессе миниатюризации в рокайльной культуре. Общим местом суждений о рококо называет это современный ученый [9, р. 141].

ления. Не случайно один из самых показательных сочинителей прозы рококо, П.К. Мариво¹, писал в своем «Зрителе»: «...Я совсем не умею создавать (сгéer), я умею только схватывать в себе мысли, возникающие случайным образом» [25, р. 54], а «думать естественно означает сохранять особенности своего ума...» [25, р. 106]. Следуя «уроку Монтеня» [45, р. 29], писатель строит свои журнальные очерки (названные им feuilles – «листки») как свободные наброски-рассуждения на разнообразные темы, демонстрируя «либертинаж идей» [25, р. 81]. Среди предшественников-вдохновителей автора «Французского зрителя» (1722–1723), «Неимущего философа» (1727), «Кабинета философа» (1734) называют также и Лабрюйера, и создателей английского *Spectator* Дж. Аддисона и Р. Стила, но Мариво смог создать свой собственный стиль, давая в своих «листочках» слово разным повествователям, не избегая отступлений, «открывая глубокие резоны “прекрасного беспорядка”, который Мариво нарекает вкусом» [38, р. 128]. Как верно замечает К. Гладю, «рокайльность Мариво проявляется в особой манере рассказывания, в отказе от фиксированной позиции, в разнообразии частей, образующих, в конце концов, совокупность фрагментов» [11, р. 109]. Схожий, хотя и не столь оригинальный, стиль можно найти и в журнальных эссе А.Ф. Прево («За и против», 1733–1740).

Однако речь идет не только о фрагменте как жанре², или о том, что фрагментарность выявила себя в литературе рококо исключительно или преимущественно в эссе. Для романистики рококо эстетика фрагмента также чрезвычайно важна, поскольку поэтика этого направления строится на метонимии, на одном из ее видов – синекдохе, когда часть становится репрезентацией целого [7, р. 22, 89]. Когда Ж. Колло предлагает отказаться от идеи, что фрагмент – это вид метонимии [19, р. 178], он, по-видимому, не учитывает тех изменений, которые происходят с типом фрагментарности в эпоху романтизма, предпочитающего метонимию – ме-

¹ Наиболее яркими представителями рококо в музыке, живописи и литературе называет Моцарта, Ватто и Мариво Кен Айленд [1, р. 24].

² О том, что фрагмент – не только жанр, что фрагментарность может проявлять себя в разных жанрах и родах литературы см. подробно статью: [37].

тафоре¹. Создавая историю того или иного персонажа, рокайльный автор выбирает из нее лишь эпизод (или ряд эпизодов) – будь то история влюбленности, становления карьеры, вхождения в общество и т.п., редуцирует целое и последовательное жизнеописание до одного или нескольких фрагментов, двойственно-двусмысленным образом побуждающих читателей «догадываться и предполагать» (Вольтер) возможную развязку. К этому присовокупляется характерное для рококо восприятие времени как ряда мгновений, «моментов»: это даже запечатлелось в заглавиях сочинений К.П. Ж. Кребийона-сына «Ночь и момент» (*La Nuit et le moment*, 1755)² и Д. Виван-Денона «Мгновенье перед завтрашним днем» (*Point de lendemain*, 1777). Наконец, именно в рококо развивается жанр roman inachevé (неоконченный роман), повлекший за собой появление разнообразных продолжений, основанных на потенциальной амбигвитивности предполагаемой развязки, а незавершенность, открытость для разных прочтений – одна из характерных черт фрагмента³.

Таким образом, фабульная неоконченность, столь распространенная в романах XVIII в., тесно связана с фрагментарностью повествования. Размышляя над причинами феномена inachèvement у Прево (опубликовавшего 12 фабульно неоконченных романов), А. Дюкэр отмечает трудности, связанные с цензурой, неуверенность в успехе у читателей [16, р. 124], но в качестве главной причины называет все же художественные соображения: «отрывоч-

¹ Для пояснения сошлюсь на собственные наблюдения над различием фрагментарности в романистике рококо и романтизма: «Фрагментарность в романе рококо – это **недоговоренность**, понуждающая к догадкам и оставляющая возможность двойственно-двусмысленного толкования персонажей и ситуаций. Фрагментарность в романтизме – это **недосказанность**, диктуемая как бы самой неисчерпаемостью предмета художественного осмысления. “Метонимическая” фрагментарность рококо дает возможность предполагать о целом по части, не зная других частей. Фрагментарность романтизма – форма осознания бесконечности: целое невозможно охватить, но его можно интуитивно схватить во фрагменте...» [33, с. 261].

² См. также анонимную серию гравюр с тем же названием – «Ночь и момент», созданную между 1755 и 1762 гг.

³ См. о связи фрагментарности с неоконченностью: [36].

ность заключена в самой сердцевине замысла» [24, р. 282] романного сюжета¹.

Если подробно рассмотреть текст наиболее показательного романа рококо – «Жизнь Марианны, или Приключения графини де***» П.К. Мариво, то можно обнаружить в нем различные формы фрагментарности. Так, читателю остаются неизвестны обещанные в заглавии приключения графини, поскольку рассказ обрывается на истории ее молодости, на нескольких эпизодах ее вхождения в парижское общество, ее первой влюбленности и измене возлюбленного, после чего возникает другой нарратор – с Марианной делится своими воспоминаниями монахиня Тервир, также не доведшая историю до конца. При этом повествование представляет собой результат интерференции эпистолярности и мемуарности: 50-летняя Марианна вспоминает в письмах некоей, не названной по имени подруге тот период своей жизни, когда она, будучи 15- или 16-летней, попадает в Париж. Кроме того, рассказ то и дело прерывается рассуждениями героини о собственном стиле, о нравах окружающих, набросками портретов персонажей, лапидарными описаниями различных мест и т.д. и т.п. Ни одно из описаний или рассуждений словно бы не доведено до конца, как не прояснены до конца и само происхождение Марианны, ее дальнейшая судьба. И в описании психологии героини, и в романной топографии «романист, без сомнения, стремится поддерживать некоторую неопределенность ее рассказа» [10, р. 243]. Ритм рассказывания неровен и порой причудлив, отрывочность наррации усиливается тем, что отдельные части романа выходят выпусками, между которыми – довольно большие временные промежутки (в конце концов время публикации романа растянулось на 10 лет – с 1731 по 1741 г.). При всем том дискретность воспоминаний, некоторая хаотичность описаний, свободный беспорядок возникающих в процессе рассказывания ассоциаций, непроясненность и загадочность многих обстоятельств, их амбигитивность уживаются с ощущением завершенности образа рассказчицы, запечатления «жизни, а не фрагмента» [27, р. 21], поскольку персонаж в романе рококо не изменяется, а раскрывается через «двойной регистр»

¹ Подробнее о своеобразии фрагментарности в романистике Прево в сопоставлении с Шатобрианом см.: [34].

(термин Ж. Руссе) наррации, в череде разнообразных переживаний и приключений, возвращаясь к самому себе, позволяя угадать в игровом фрагментарном рассказе контуры целого.

Разумеется, такого рода фрагментарное письмо не совпадает ни с романтической фрагментарностью, ни с актуальной ныне фрагментарностью постмодернистской прозы. Однако когда сегодня ученый устанавливает предшественников современного фрагментарного письма, выделив в XVIII столетии лишь сочинения Дидро, Руссо и де Сада [37, р. 18], он очевидно проходит мимо весьма значительного феномена, каким является фрагмент в литературе рококо.

Список литературы

1. Айленд К. Восстановленная Кифера? Возрождение рококо в европейской литературе и искусстве, 1830–1900.
Ireland K. Cythera Regained? The rococo revival in European literature and the art, 1830–1910. – Madison-Teaneck : Fairleigh Dickinson univ. press, 2006. – 240 p.
2. Барт П. Лабрюйер, от мифа к письму.
Barthes R. La Bruyère, du mythe à l'écriture // Barthes R. Essais critiques. – Paris : Seuil, 1964. – P. 221–237.
3. Бекхедиджа Н. Фрагментарное письмо : разрушение унитарной перспективы рассказа в «Террасе в Риме» Паскаля Киньяра.
Bekhhedidja N. L'écriture fragmentaire : une destruction d'une perspective unitaire du récit dans *Terrasse à Rome* de Pascal Quignard // Multilinguales [en ligne]. – 2018. – N 9. – URL: <https://journals.openedition.org/multilinguales/1063> (date of access 10.04.2022)
4. Бертьер А. Кардинал де Ретц, мемуарист.
Bertièrre A. Le cardinal de Retz, mémorialiste. Thèse de doctorat. – Lille : Service de Réproduction des Thèses Université de Lille III, 1981. – 678 p.
5. Борда Э. Письмо максимами в бальзаковском повествовании.
Bordas E. L'écriture de la maxime dans le récit balzacien // Poétique. – 1997. – N 109. – P. 39–53.
6. Броди Д. Первая рецепция «Опытов» Монтеня : судьба жанра.
Brody J. La première réception des *Essais* de Montaigne : les fortunes d'une forme // Brody J. Lectures de Montaigne. – Lexington : French Forum, 1982. – P. 13–27.
7. Брэди П. Поэтика рококо в английском, французском, немецком, итальянском : введение.
Brady P. Rococo poetry in English, French, German, Italian : an introduction. – Knoxville : New paradigm press, 1992. – 209 p.
8. Буле Е. Постмодерность как опыт моей фрагментации : генезис и развитие социального перехода в процессе чтения эстетических форм.
Boulé E. La postmodernité comme expérience de ma fragmentation : genèse et développement de la transition sociétale à partir d'une lecture des formes esthétiques. Thèse. – Québec : Univ. de Laval, 2018. – 498 p.

9. Вайсгербер Ж. Хрупкие масти : эстетика и форма литературы рококо. Weisgerber J. Les masques fragiles : esthétique et forme de la littérature rococo. – Lauzanne : L'Âge d'Homme, 1991. – 268 p.
10. Гиленбе Ж. Романное творчество Мариво. Предвзятость конкретного. Guilhembet J. L'oeuvre romanesque de Marivaux. Le parti pris du concret. – Paris : Classiques Garnier, 2014. – 488 p.
11. Гладю К. Величие малых жанров : галантная эстетика и рококо. Gladu K. La grandeur des petits genres : esthétique galante et rococo dans le premier XVIII siècle. Thèse. – Québec : Univ. de Québec à Trois-Rivières, 2014. – 467 p.
12. Голубков А.В. Жанровое своеобразие «Занимательных историй» Ж. Таллема-на де Рео и особенности французской мемуарной прозы середины XVII в. : дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2003. – 263 с.
13. Гонтар М. Постмодернизм во Франции : определение, критерии, периодизация. Gontard M. Le postmodernisme en France : définition, critères, périodisation // Le Temps des Lettres. Quelles périodisations pour l'histoire de la littérature française du 20ème siècle? – Rennes : Presses univ. de Rennes, 2001. – P. 283–294.
14. Давье-Тейлор Ф., Гурмелен Л. Введение. Davier-Taylor F., Gourmelin L. Avant-propos // Fragments : entre brisure et création. – Rennes : Presses univ. de Rennes, 2017. – P. 7–21.
15. Дюга-Порт Ф. Письмо и чтение фрагмента в произведениях Анни Эрно. Dugast-Portes F. Écriture et lecture du fragment dans l'oeuvre d'Annie Ernaux // Annie Ernaux : un engagement d'écriture [En ligne]. – Paris : Presses Sorbonne Nouvelle, 2015. – P. 169–177.
16. Дюкэр А. Утраченные иллюзии романа. Аббат Прево перед испытанием романтическим. Duquaire A. Les illusions perdues du roman. L'abbé Prévost à l'épreuve du romanesque. – Amsterdam ; New York : Rodopi, 2006. – 197 p.
17. Зарновеану Д.Е. От теории фрагмента к фрагментарности : эссе о формах фрагментарного письма и их значение для мысли. Zarnoveanu D.E. D'une théorie du fragment à la fragmentation : un essai sur les formes d'écriture fragmentaire et leurs implications pour la pensée. Thèse. – Montréal : Univ. de Montréal, 2006. – 149 p.
18. Киньяр П. Техническая стесненность в отношении фрагментов. Эссе о Жане де Лабрюйере. Quignard P. Une gêne technique à l'égard des fragments. Essai sur Jean de La Bruyère. – Paris : Galilée, 2005. – 88 p.
19. Колло Ж. «Фрагментарное». Что ко мне приходит из «фрагмента». Collot J. Le «fragmentaire». Ce qui, du fragment, m'arrive // Que m'arrive-t-il? / sous la dir. de Corno Ph., Bousset E. – Rennes : Presses univ. de Rennes, 2006. – P. 177–194.

20. Лабарт Ф., Нанси Ж.-Л. Требование фрагментарности.
Labarthe Ph., Nancy J.-L. L'exigence fragmentaire // Labarthe Ph., Nancy J.-L. L'absolu littéraire. Théorie de la littérature du romantisme allemand. – Paris : Seuil, 1978. – P. 57–80.
21. Лавуа К. Читать фрагмент : литературный анализ и приемы.
Lavoie C. Lire du fragment : analyses et procédés littéraires. – Québec : Nota bene, 2008. – 494 p.
22. Леблон А. Поэтика романа-реки от «Жан-Кристофа» до «Момора».
Leblond A. Poétique du roman-fleuve, de *Jean-Christophe* à *Maumort*. Thèse de doctorat de Littérature française / Université de la Sorbonne nouvelle – Paris III. – Paris, 2010. – 767 p. – URL: <https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-00714342/document> (date of access 10.04.2022)
23. Лисс М. Парадокс фрагмента.
Lisse M. Le paradoxe du fragment // Revue de métaphysique et de morale. – 2015. – N 2(36). – P. 205–214.
24. Луи Ж. Типология неоконченного романа.
Louÿs G. Typologie des roman inachevé // L'oeuvre inachevé / ed. par A. Rivara, G. Lavorel. – Lyon : CEDIC, 1999. – P. 281–290.
25. Мариво. Журналы 1.
Marivaux. Journaux 1. – Paris : Flammarion, 2010. – 426 p.
26. Массе М. Время эссе.
Mascé M. Le temps de l'essai. – Tours : Belin, 2006. – 365 p.
27. Миллер Н.К. Текст от лица героини : работы о французском и английском романе, 1722–1782.
Miller N.K. The heroine's text : readings in the French and English novel, 1722–1782. – New York : Columbia univ. press, 1980. – 185 p.
28. Милон А. Фрагмент, или удушение письма.
Milon A. Le fragment ou la strangulation de l'écriture // Maurice Blanchot, entre roman et récit. – Nanterre : Presses univ. de Nanterre, 2014. – P. 275–288.
29. Море Ф. О стилистическом определении понятия фрагмента.
Moret Ph. Pour une définition stylistique de la notion de fragment // Etudes de lettres. Revue de la Faculté des lettres de l'Université de Lausanne. – 1995. – N 4. – P. 151–161.
30. Нива Ж. Поэтика фрагмента у Достоевского.
Nivat G. La poétique du fragment chez Dostoevskij // Revue des études slaves. – 1998. – Vol. 70, N 3. – P. 597–605.
31. О письме и фрагментах. Фрагментарность и гуманитарные науки.
De l'écriture et des fragments. Fragmentation et sciences humaines / sous la dir. de Scheider P. [et al.]. – Paris : Classiques Garnier, 2016. – 596 p.
32. Паскаль Б. Мысли.
Pascal B. Pensées. – Paris : P. Sellier et F. Ferregrolles, 2000. – 736 p.
33. Пахсарьян Н.Т. Генезис, поэтика и жанровая система французского романа 1690–1760-х годов. – Днепропетровск : Пороги, 1996. – 269 с.

34. Пахсарьян Н.Т. Поэтика фрагментарности в рококо и романтизме : Прево и Шатобриан // Пахсарьян Н.Т. Избранные статьи о французской литературе. – Днепропетровск : Арт-Пресс, 2010. – С. 109–115.
35. Пестрога, сборник легучих стихотворений господина Д.Г.***
La bigarrure, recueil de pièces fugitives par Mr D. H***. – Lausanne : Chez Michel Bousquet, 1756. – 122 p.
36. Прокоп Л. «Неоконченные конструкции» : смысл литературного фрагмента и неоконченности, их значение в конструировании человеческого «я».
Prokop L. «Constructions inachevées» : le sens du fragment littéraire et de l'inachèvement, leur signification dans la construction du moi humain: Stendhal, Deml, Michaux. Thèse de doctorat en Études slaves. – Paris, 2015. – 274 p.
37. Рипол Р. К пафазифике фрагментарного письма.
Ripoll R. Vers une pataphysique de l'écriture fragmentaire // Forma Breve. – 2006. – Vol. 4. – P. 11–22.
38. Сермэн Ж.-П., Виоке К. Журналы Мариво.
Sermain J. -P., Wioquet C. Journaux de Marivaux. – [S.l.] : Atlante, 2001. – 224 p.
39. Спур Д.А. Фрагмент как литературная форма.
Spurr D.A. Le fragment comme forme littéraire. – Madrid : Red éd., 2011. – 341 p.
40. Стедман А. Литература рококо во Франции, 1600–1715 : соблазнительная фривольность.
Stedman A. Rococo fiction in France, 1600–1715 : seditious frivolity. – Bruknell : Bruknell univ. press, 2012. – 258 p.
41. Сюзини-Анастопулос Ф. Фрагментарное письмо : определения и содержание.
Susini-Anastopoulos F. L'écriture fragmentaire : définitions et enjeux. – Paris : PUF, 1997. – 274 p.
42. Талёб-Хиар М.Б. И это о Монтене : фрагментарное письмо о себе.
Taleb-Khyard M.B. Et c'est de Montaigne : l'écriture fragmentaire de soi // Littérature. – 1992. – N 26. – P. 87–99.
43. Фарангола Ш. Роман в картинках. Описание и фрагментация в «Саду растений» Клода Симона, в «Торжественном открытии зала Ветров» Рено Камю и «Террасы в Риме» Паскаля Киньяра.
Farangola Ch. Le roman à images. Description et fragmentations dans le *Jardin des Plantes* de Claude Simon, *L'inauguration de la salle des Vents* de Renaud Camus et *Terrasse à Rome* de Pascal Quignard. Doctor of Philosophy – PhD Thèse / University of British Columbia library. – Vancouver, 2013. – 302 p.
44. Франц П. Рапсодии.
Frantz P. Rhapsodies // Orages. Littérature et culture, 1760–1830. – 2006. – N 5. – P. 11–22.
45. Эскола М., Леборнь Э., Абрамовиси Ж.-Кр. Предисловие.
Escola M., Leborgne E., Abramovici J.-Chr. Présentation // Marivaux. Journaux 1. – Paris : Flammarion, 2010. – P. 7–42.